

МЕХАНИЗМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ВЫРАЖЕНИЯ «ВОЛИ ОБЩЕСТВА»: ОПЫТ ЛАТВИИ В 1917 г.

Улдис Креслиньш*

Институт истории Латвии, Латвийский университет, Рига, Латвия

Цитирование: Креслиньш У. (2017) Механизмы продвижения политических решений как выражения «воли общества»: опыт Латвии в 1917 году. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(4): 135–153. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.7>

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о механизмах продвижения политических решений на примере опыта Латвии в 1917 г. Начавшиеся в марте 1917 г. демократические преобразования привели к созданию новых институтов местной власти, и в первые недели работы отношения между новообразованными представительными органами рабочих и не-пролетарских кругов характеризовала готовность к прагматичному компромиссу и взаимным уступкам. Но уже с середины марта, когда роль выразителей стремлений рабочих все в большей мере присваивали себе только недавно вернувшиеся из ссылки и эмиграции социал-демократы большевики, в этих отношениях наметился переход от политики компромисса к курсу на конфронтацию. Поворотной точкой в этой смене курса стал провозглашенный в начале апреля лидером российских социал-демократов большевиков В. Лениным лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству». В этой ситуации, чтобы представить столь резкий разворот в своей позиции как выражение настроений широких общественных масс, основным методом революционной борьбы латышских социал-демократов стали заранее подготовленные и умело руководимые съезды и собрания, на которых первым делом принимались внесенные социал-демократами резолюции, выражающие недоверие Временному правительству. Тот факт, что в ходе разных съездов и собраний, проводимых в 1917 г., эти механизмы продвижения политических решений были схожими, указывает на то, что речь здесь не о случайном стечении обстоятельств или о каком-то отдельном случае, а о продуманной и единой партийной тактике латышских социал-демократов большевиков. Исключением, подтверждающим закономерность, были те съезды и собрания, на которых в силу ряда обстоятельств использование этих технологий оказалось невозможным — в резолюциях этих съездов и собраний отсутствовало и выражение недоверия Временному правительству. Открытым остается вопрос о происхождении этих политических технологий, но, опираясь на некоторые свидетельства, можно предположить, что, скорее всего, их происхождение связано с некой централизованной системой подготовительных и обучающих курсов профессиональных революционеров.

Ключевые слова: политические технологии, социал-демократы большевики, Февральские события 1917 г., латышские стрелки, Латвия

* E-mail: uk15001@lu.lv

Известия о Февральских событиях 1917 г. в Петрограде и последовавших за ними переменах в западных губерниях России, населенных латышами*, дали толчок бурным процессам политической организации общества, и в этом ситуация в западных губерниях мало отличалась от ситуации в других частях России. Но, в то же время, было одно обстоятельство, которое существенно отличало западные губернии от остальной России: это была непосредственная близость русско-немецкого фронта Первой мировой войны. Поэтому начавшийся процесс демократических перемен здесь имел еще одну грань — необходимость сохранения боеспособной армии, и этим объяснялось особое внимание Временного правительства, равно как и депутатов Государственной думы, к настроениям солдат и их готовности держать фронт**. Именно поэтому для многих полной неожиданностью стало сообщение о том, что 17 (30) мая*** собрание делегатов латышских стрелковых полков приняло резолюцию, в которой они выразили недоверие Временному правительству и призывали к братанию с немецкими солдатами на фронте. Этой резолюцией, как с гордостью заявила газета «Brīvais Strēlnieks» («Свободный стрелок»), латышские стрелки полностью встали на идейную платформу латвийской социал-демократии (ЛСД) (Latvijas Sociāldemokrātijas 1917: 1).

Часть общества резолюцию 17 мая встретила с одобрением, но в широких общественных кругах она была воспринята с непониманием и сожалением. Правда, в тот момент еще трудно было оценить все ее значение и по-

* В начале XX в. территория, которую населяли латыши, административно была разделена на три части: Курляндскую губернию (территория которой в 1915 г. была занята немецкой армией, вызвав огромный поток латышских беженцев), Лифляндскую губернию (латышами была населена ее южная часть) и Витебскую губернию (латыши населяли западную ее часть); в данном исследовании для облегчения использования терминологии в некоторых случаях использовано единое для всей этой территории определение «Латвия».

** Уже 9 (22) марта в здании Рижского городского Первого (немецкого) театра состоялось собрание офицеров и солдат расположенной на Рижском участке фронта 12 армии, которое было создано по приказу командира армии генерала Радко-Дмитриева и в котором принимали участие депутаты Государственной думы IV созыва Иван Ефремов (Прогрессивная партия) и Павел Макогон (Союз 17 октября) (Korēja ofīcieri 1917: 3).

*** До февраля 1918 г. в России был в силе Юлианский календарь (старый стиль), который, согласно декрету Советского правительства, был заменен на Григорианский календарь (новый стиль); в данном исследовании в датировке событий и номеров газет соблюден принцип актуального в 1917 г. календаря, т. е. они датированы по старому стилю (в отдельных случаях в скобках указана соответствующая дата нового стиля).

следствия, которые стали проявляться только со временем. То, что стало видно сразу после 17 мая, было резко возросшее недоверие и подозрительность к латышам в кабинетах центральной власти России*, что, несомненно, повлияло на общую ситуацию и положение на фронте. Но наиболее болезненным оказалось потрясение, которое резолюция 17 мая вызвала в самом латышском обществе, в большей части которого позиция стрелков и особенно призыв к братанию с немцами были восприняты как предательство национальных стремлений. Произошедшее стало началом того огромного разрыва, который в конце 1917 г. привел к расколу латышского общества, когда латышские стрелки, отступая, ушли в Россию и стали гвардией новой власти большевиков.

Все вышесказанное достаточно полно характеризует значимость резолюции 17 мая, и в этом контексте особую важность приобретает вопрос: как — какими мотивами и обстоятельствами — можно было объяснить столь резкое политическое выступление латышских стрелков?

Нельзя сказать, что резолюции 17 мая в латвийской историографии уделено мало внимания, однако, в зависимости от политической ситуации, это внимание распределялось очень неравномерно, и объяснение причин этого выступления латышских стрелков остается схематичным или, в другом случае, частичным.

Несколько странным, на первый взгляд, может показаться то, что в исторической литературе межвоенного периода независимой Латвии события 1917 г. мало затрагивались и вопрос о большевизации стрелков в 1917 г. рассматривался как бы вскользь, так что его проблематика обходилась. Исключением были редкие воспоминания (Goppers 1940), но они скорее были ценны как свидетельства очевидцев, нежели как научные исследования. Больше внимание событиям 1917 г. уделялось в работах, которые в межвоенный период были написаны и опубликованы в СССР, но в этих исследованиях, излагающих точку зрения недавних участников и руководителей событий 1917 года, остро чувствовалась идеологическая подоплека, и они

* Отношение центральной власти России к латышам ярко показал визит 19 сентября делегации от латышей к главе Временного правительства Александру Керенскому. Целью визита делегации было информировать правительство о трудностях в прифронтовых областях, о тяжелых реквизициях и грабеже для нужд русской армии и просить остановить опустошение этих областей. Принимая делегацию и выслушивая ее просьбу, А. Керенский резко прервал делегатов встречным вопросом: что сами большевистские латышские стрелки сделали для укрепления дисциплины? После этого беседа приняла малоприятный характер (*Latviešu delegācija 1917: 1–2*).

не столько отражали реальную картину событий 1917 года, сколько служили обоснованием и оправданием действий авторов этих работ (Vācietis 1922; Daniševskis 1928).

После Второй мировой войны, уже в Советской Латвии, в подходе к событиям 1917 г. в исторической науке в целом сохраняется идеологически обусловленный подход. В издаваемые сборники документов включались только те документы, которые подтверждали мысль о самостоятельном революционном выборе латышских стрелков (Padomju 1957); по схожему принципу были составлены и сборники воспоминаний (1917. gads Latvijā 1957). Этой парадигме следовали и написанные в советское время исследования, посвященные событиям 1917 г. В них поддерживалась идея о естественной большевизации стрелков, вызванной их растущим недовольством затяжной войной, которое еще больше усилили потери личного состава стрелков в Рождественских боях 1916 г., когда из-за нерешительности русского командования немецкие войска отбили наступление латышских стрелков и перешли в контрнаступление, вернув линию фронта на исходные рубежи, что сделало прорыв и жертвы стрелков бессмысленными (Кайминь 1961; Bērziņš 1987; Drīzulis 1987). Такой взгляд, несомненно, имеет свое основание, но, в то же время, видна и его однобокость: оставляя без внимания последовавшие сразу за принятием резолюции 17 мая протесты многих стрелковых частей и отдельных стрелков, этот взгляд не только упрощает и схематизирует ситуацию, но и оставляет незамеченным другое — то, что данное объяснение трудно связать с конкретным содержанием резолюции 17 мая, в которой латышские стрелки выразили недоверие Временному правительству, созданному всего двенадцать (!) дней назад. Скорее всего, поэтому в этих исследованиях отсутствует детальный разбор содержания резолюции, ибо в таком случае могли возникнуть вопросы, на которые было бы сложно ответить.

Иной взгляд представлен в исследованиях, которые были написаны в латышской эмиграции после Второй мировой войны (Šilde 1976; Ģērmanis 1993), и особенно здесь надо отметить исследование историка Улдиса Германиса (Uldis Ģērmanis) об одном из командиров латышских стрелков Иоакиме Вацетисе (Jukums Vācietis) (Ģērmanis 1971). В этой работе, хотя и признавая общее недовольство стрелков и растущие левые настроения, он напрямую связывает принятие резолюции 17 мая с целенаправленными действиями социал-демократов, которые использовали не только массивную агитацию, но и провели обстоятельную организационную подготовку собрания стрелков. Под организационной подготовкой он, в первую очередь, подразумевал процесс выдвижения и выборов делегатов собрания, который проходил под сильным влиянием социал-демократов и дал ожидаемый для них результат. То, что, в данном случае, сужает значение этих

рассуждений, заключается в их ограниченности, концентрируя внимание на собрании стрелков как на одном и единичном случае и не задаваясь вопросом о более широких закономерностях происшедшего, что оставляет место для сомнений о решающем значении действий социал-демократов. Именно это — попытку более широкого обобщения политических процессов 1917 г. — ставит своей задачей данное исследование, пытаясь ответить на два взаимосвязанных вопроса: (1) была ли организационная подготовка собрания стрелков отдельным случаем или же это было закономерным проявлением единой партийной тактики, которую можно отследить и в других событиях 1917 года, и (2) можно ли, рассматривая важнейшие съезды и собрания 1917 г., говорить о некоем арсенале средств и методов, которым пользовались социал-демократы для продвижения нужных политических решений?

Хронологические рамки данной работы охватывают период с марта 1917 г., когда начались революционные преобразования, по конец августа 1917 г., когда немецкая армия возобновила наступление на рижском направлении и политическая ситуация кардинально изменилась. Главным образом работа основана на публикациях в прессе в 1917 г., частично используются уже опубликованные исследования.

Общий контекст развития политических процессов в 1917 г.: от компромиссов к конфронтации

Первые определенные сообщения о Февральских событиях в Петрограде в Латвийских газетах появились только 4 марта (3 марта газеты еще публиковали короткие и неясные указания о «большом внутреннем кризисе» (см., напр.: *Nopietns laiks* 1917: 1), а уже вечером 3 марта были выпущены экстренные телеграммы нескольких газет), т. е. спустя неделю после начала этих событий. И сразу же за этим начались процессы политической организации общества. Первыми начали организоваться представители рабочих организаций, которые 8 марта созвали собрание и избрали Рижский совет рабочих депутатов (*Rīgas Strādnieku deputātu padome*), первым председателем которого стал Арвид Зейбот (*Arvids Zeibots*)*. Почти одновременно начали организоваться и не-пролетарские круги Риги, где при отсутствии не-пролетарских политических партий инициативу на себя взяли общественные организации, и после короткой подготовки 8 марта в здании Рижского городского Второго (русского) театра состоялось собрание, которое основало Рижский совет общественных организаций (*Rīgas Sabiedrisko organizāciju padome*) (*Rīgas Sabiedrisko* 1917: 2). Наконец, организовались

* А. Зейбот — впоследствии в 1919 г. комиссар статистики СНК Латвийской социалистической советской республики, с апреля 1921 г. по 1924 г. начальник Разведупра Штаба РККА.

и сельские жители Видземе (латышской части Лифляндской губернии), и 12 марта в Валмиере (Вольмар) было созвано собрание, в котором участвовало более 400 делегатов и которое на второй день собрания избрало Временный земельный совет Видземе (Vidzemes Pagaidu Zemes padome) в составе 48 членов.

То, что характеризовало процессы создания этих новых представительных институтов и их работу в первые недели демократических преобразований, был прагматичный компромисс, который демонстрировали представители обеих вышеупомянутых и в своих интересах объективно разных общественных групп — рабочих и не-пролетарских кругов. Это был компромисс, который выражался в отсутствии идеологических нападок и оскорблений в адрес другой стороны, а также в некоторых уступках при создании новых институтов местного самоуправления*.

Но уже с середины марта на смену политике компромисса все отчетливее начал выступать курс на конфронтацию. Определяющее значение в этом имело то обстоятельство, что выражение стремлений рабочих все в большей мере переходило к радикальному крылу латышских социал-демократов, которое трансформировало стремления рабочих в интересах своей партии. Война и репрессии «старого» режима уменьшили ряды социал-демократов в Латвии, поэтому еще в начале марта платформу социал-демократов в работе представительных институтов представляло их умеренное крыло, но с середины марта свое влияние начали усиливать социал-демократы большевики, актом Временного правительства об амнистии освобожденные из ссылки или вернувшиеся из эмиграции. Организационно эта смена направления социал-демократов оформилась 20 марта, когда состоялось собрание членов Рижской организации ЛСД: уже на следующий день на собрании Рижского совета рабочих депутатов прозвучало сообщение, что «основана рижская организация Латвийской социал-демократической партии, как руководящее учреждение всеобщего движения рабочих, и в которую поэтому необходимо объединиться всем рабочим» (Strādnieku Deputātu Padome... 1917: 3). Вместе с этим сменился и руководитель Рижского совета рабочих

* В уже упомянутом Временном земельном совете Видземе, например, половина из 48 мест была отдана безземельным и мелким земельным хозяевам, а остальные места оставлены крупным земельным хозяевам, горожанам, представителям кооперативов и представителям свободных профессий; еще дальше в своих уступках пошел Рижский совет рабочих депутатов, который в конце марта принял решение о роспуске «старой» городской думы Риги и назначении новой думы, был составлен и список членов новой думы, в котором из 65 мест только десять были отданы представителям рабочих, а все остальные — представителям не-пролетарских кругов.

депутатов, и на место А. Зейбота пришел Рудольф Эндруп (Rūdolfs Endrups)*. В тот момент, в конце марта, эти перестановки в представительстве рабочих еще оставались мало кем замечены. Ситуация изменилась в начале апреля 1917 г., когда 3 апреля в Петроград из эмиграции вернулся лидер Российских социал-демократов большевиков В. Ленин (Владимир Ульянов). Сразу же по прибытии он выступил со своими так называемыми «Апрельскими тезисами», провозглашая: «Никакой поддержки Временному правительству...» (Ленин 1917: 114). Этот новый лозунг резко радикализировал позицию социал-демократов, требуя выбрать и новую тактику, которая помогла бы объяснить столь резкую смену курса и дала бы возможность показать, что выражение недоверия Временному правительству есть «выражение воли» широких общественных масс.

В этой ситуации главным методом революционной борьбы ЛСД в апреле 1917 г. стали заранее подготовленные и умело руководимые съезды и собрания, которые по требованию «демократических» сил были готовы поддерживать предложенные социал-демократами решения.

Опыт «организованной демократии»: съезды 1917 г. в Латвии

Съезд безземельных Видземе (16–18 апреля)

Впервые тактика «организованной демократии» была использована на съезде безземельных Видземе, проходившем с 16 по 18 апреля в Валмиере**. В роли организаторов съезда выступили ЦК Латвийской Социал-демократии и Рижский совет рабочих депутатов, и организаторы подготовились к тому, чтобы направить съезд в нужное русло. В день открытия съезда с приветствием выступил участник революционных событий 1905 г. Янис Кродерс (Jānis Krodērs), который всего полтора месяца назад — 3 марта — освободился и вернулся в Латвию после десяти лет каторги, и которого сразу после приветствия избрали в президиум съезда.

Уже в начале работы съезда прозвучало предложение не рассматривать вопрос об отношении к Временному правительству, а заняться только практическими вопросами, но большинством голосов это предложение было отклонено, и распорядок работы съезда открылся именно с выяснения текущего политического момента. И тут же был объявлен доклад о текущем моменте, подготовленный Рижским советом рабочих депутатов и зачитанный делегированным представителем совета на съезде Янисом Юрмалние-

* Р. Эндруп — впоследствии в 1919 г. комиссар финансов, позже комиссар продовольствия СНК Латвийской социалистической советской республики.

** В данном случае под «безземельными» понимались не только крестьяне, но и все другие категории безземельных лиц (поэтому в съезде участвовали и учителя, адвокаты и др.).

ком (Jānis Jūrmalnieks). В своем выступлении он призвал выразить недоверие Временному правительству, и после дискуссии принятая на съезде резолюция, хоть и в несколько смягченной форме, поддержала этот призыв. Это не значит, что на съезде не звучали и другие, отличные от позиции социал-демократов мнения. Так, например, поэт Вилис Плудонис (Vilis Plūdonis) несколько раз призывал съезд принять резолюцию протеста против позиции вождя социал-демократов большевиков Ленина по вопросу судьбы Курземе (Курляндской губернии), но, в отличие от выступлений Я. Кродера и Я. Юрмалниека, призыв В. Плудониса съезд категорически отверг, а его самого с возгласами прогнал с трибуны (Bezzemnieku sapulce 1917a: 1–2). То, каким образом стимулировалось такое настроение и голосование съезда, хоть отчасти объяснялось двумя обстоятельствами, на которые указывали и описания съезда в прессе. Первым было организованный кашель и свист зала при выступлении определенных ораторов (так было прервано выступление Микелиса Валтерса (Miķelis Valters)). Вторым обстоятельством, на которое обратила внимание газета «Jaunākās Ziņas» («Новейшие известия»), было большое количество сторонних слушателей на съезде: по словам газеты, в съезде участвовало около 450 делегатов, а вместе со слушателями в зале съезда было до тысячи присутствующих, и это нередко тормозило работу съезда, ибо многие слушатели при голосовании голосовали вместе со съездом (Там же: 1). Факт присутствия большого количества слушателей на съезде подтверждал и призыв руководителя съезда Я. Кродера освободить места в зале для делегатов съезда, которые в противном случае были готовы покинуть съезд (Там же: 5–6).

*Собрание Объединенного совета
латышских стрелковых полков (12–17 мая)*

Однако было ясно, что какое-то мало примечательное собрание местного характера, решения которого вряд ли привлекут внимание власти и широкой общественности, не может удовлетворить амбиции социал-демократов. Для того, чтобы послание о недовольстве широких народных масс Временным правительством было услышано в столице, было необходимо решение такого собрания, на которое уже просто не могли не обратить внимание. Таким стало собрание Объединенного совета латышских стрелковых полков, как его в 1917 г. именовали не-пролетарские газеты, или II съезд делегатов латышских стрелковых полков — такое название используется в работах левой традиции*.

* Первое собрание Объединенного совета латышских стрелковых полков (или I съезд делегатов латышских стрелковых полков) состоялось 27–29 марта (9–11 апреля) в Риге, и в присутствии 190 делегатов приняло программу дей-

Апофеозом собрания Объединенного совета латышских стрелковых полков стала резолюция, которая в окончательном голосовании была принята собранием 17 мая. Главное содержание резолюции концентрировалось в двух тезисах. Во-первых, в резолюции стрелки выразили недоверие Временному правительству, которое было образовано 5 мая*. Расценив Временное правительство как правительство соглашения между частью рабочих и буржуазией и землевладельцами, делался вывод, что в интересах этих классов крупного капитала правительство будет мешать и не допустит ломки остатков старой власти и строительства нового революционного порядка. Этими же интересами крупного капитала объяснялись и призывы Временного правительства к продолжению войны и выражалась уверенность в том, что существующее правительство не сможет остановить кровопролитие. Последнее утверждение вело ко второму тезису резолюции 17 мая — убеждению, что войну можно прекратить только «революционным путем», т. е. если рабочие всех стран объединятся против капиталистов всех стран. И в качестве первого практического шага в этом направлении резолюция предлагала ради революционизирования германской армии продолжить братание на фронте (Padomju 1957: 61–62).

Сразу же были отмечены странности этой резолюции, породившие у многих желание отмежеваться от нее. Протесты отдельных стрелковых полков отмечали непродуманность резолюции, указывая, что резолюция Объединенного совета латышских стрелковых полков противоречит резолюциям, принятым накануне Солдатским советом 12 армии**,

которая, среди прочего, предусматривала агитацию за ведение войны до того момента, когда станет возможным заключение мира без аннексий и контрибуций и агитацию за поддержку Временного правительства, пока оно следует своей программе и работает в согласии с Советом рабочих и солдат (Arvienoto Latviešu... Dzimtenes Vēstnesis 2017: 2–3).

* Политический фон собрания обозначило обострение внутривнутриполитической ситуации, поводом которого стала нота российского Временного правительства Союзникам 18 апреля (1 мая) 1917 г.: обозначая точку зрения российского правительства в вопросе целей войны, которая была сформулирована в заявлении от 27 марта, нота поясняла, что Россия не собирается отвернуться от Союзников и заключить сепаратный мир с Германией, а готова довести войну до победы; эта формулировка: война до победы — в лагере левых политических сил вызвала волну критики, которая закончилась отставкой военного и морского министра Александра Гучкова 30 апреля и последующим кризисом правительства, а 5 мая прозвучала декларация нового Временного правительства, в которой оно своей целью ставило «быстрее добиться всеобщего мира».

** Собрание Совета солдатских депутатов 12 армии открылось 9 мая и в резолюциях, принятых 14 мая, выразило полное доверие Временному правитель-

ет не понятным вопрос, как латышские стрелки, являясь частью 12 армии, будут согласовывать свои действия с действиями всей армии (Arvienoto Latviešu... Jaunākās Ziņas 1917: 3). В свою очередь, гражданские общественные организации с особым возмущением восприняли выдвинутый резолюцией лозунг братания, отмечая, что призыв братания с давними врагами и поработителями латышского народа немцами вызывает всеобщую ненависть и презрение к стрелкам (Valkas latviešu 1917: 1).

Но были в резолюции и странности более общего характера. В первую очередь — это выраженное политическое содержание резолюции. Вместо постановки конкретных военно-политических вопросов резолюция давала общеполитические установки, которые были далеки от реальных нужд окопной жизни и от которых было трудно ожидать практических результатов. Но самое главное — это была трудно объяснимая столь резкая перемена в политических взглядах стрелков. Еще 11 (24) марта — спустя немногим более недели после того, как 2 (15) марта царь Николай II отрекся от престола и Россия стала республикой — полки латышских стрелков принесли присягу новому Временному правительству (Mūsu Strēlnieku 1917: 2), а сейчас, всего два месяца спустя, выразили ему недоверие.* Даже если предположить, что присяга была лишь формальной демонстрацией лояльности, и тогда остается трудно и практически невозможно объяснить, каким образом, сидя в окопах, стрелкам удалось так быстро разобраться в политической ситуации и прийти к большевистским убеждениям. В этом контексте резолюция 17 мая выглядит как необъяснимый скачок во взглядах стрелков, как кем-то вклеенный лист в рассказе латышских стрелков, давая повод думать, что принятая резолюция была основана на каких-то «извне» принесенных суждениях. И здесь особое внимание обращает на себя сам ход собрания.

Съезд, или, как его тогда чаще обозначали, собрание стрелков открылось 12 (25) мая, и участие в нем принимало 226 делегатов. В первый день собрания его приветствовал командир расположенной на Рижском фронте 12 армии генерал Радко-Дмитриев. После выражения признательности за геройство латышских стрелков главным мотивом его речи стал призыв не опускать оружие и единственным средством окончания затянувшейся войны признать «войну до победного конца» (Ģenerāļa Radko-Dmitrijeva 1917: 1). Вслед за ним от имени нескольких новых революционных институтов

ству и категорически осудила все призывы к братанию на фронте (...armijas Zald 1917: 2).

* Эта перемена выглядит еще более резкой, если вспомнить, что в резолюции было выражено недоверие Временному правительству, которое было образовано 5 мая.

собрание поздравили делегированные ими гости-поздравители, в том числе, Бруно Калнинш (Bruno Kalniņš) как представитель Искорада (Iskorads)*, редактор газеты «Сīņa» («Борьба») Юлий Данишевский (Jūlijs Daniševskis) и Петр Стучка (Pēteris Stučka) от ЦК партии Российских социал-демократов большевиков. И тут произошла неожиданность: председатель собрания капитан Вольдемар Озолс (Voldemārs Ozols)** просил собрание разрешить гостям-поздравителям остаться у стола президиума, что собрание поддержало, и в дальнейшем эти гости, не будучи делегатами и даже не стрелками, при каждом вопросе активно вмешивались в ход собрания и, по словам командира первой бригады латышских стрелков полковника Карлиса Гоппера (Kārlis Goppers), фактически руководили им (Goppers 1940: 3125–3126).

В вопросе о текущем моменте с пространной речью выступил гость-поздравитель Ю. Данишевский, предложив принять такую же резолюцию, которую 11 мая приняло общее собрание Рижского совета рабочих депутатов и которую также внес он сам. В последующем обсуждении резолюции, по словам К. Гоппера, отчетливо было видно хорошо организованное поведение участников собрания, которые аплодисментами поддерживали «революционные» выступления и с возгласами приуменьшали значимость выступлений оппонентов.

То, что эта организованная реакция зала была достаточно очевидна, подтверждало и описание собрания в газете «Brīvais Strēlnieks»: после того, как на заседании 14 мая Петр Дардзанс (Pēteris Dardzāns) выступил с призывом поддержать Временное правительство, зал, как это описывала газета, перешел к «поддержке свободы слова — топанью ногами и свисту» (Latviešu Strēlnieku 1917: 3)***. На то, что это было массивное давление пропаганды,

* Искорад — исполнительный комитет Рижского совета рабочих депутатов.

** В. Озолс — впоследствии в 1919–1920 гг. участвовал в военных действиях в составе Эстонской и Литовской армии, в 1932 г. в Латвии основал Общество кавалеров военного ордена «Лачплесис» и ветеранов освободительной борьбы «Легион», которое выступало против парламента и, по некоторым данным, якобы готовило военный переворот в Латвии, в 1936 г. участвовал в Гражданской войне в Испании в составе Испанской республиканской армии, во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления во Франции.

*** В это время редактором газеты еще был умеренный социал-демократ Маргерс Скуениекс (Mārgers Skujenieks). Не согласный с решениями собрания стрелков, он уже 19 мая оставил место редактора (вместе с ним работу в газете оставили еще несколько ее сотрудников), после чего руководство газеты и, соответственно, ее направление оказалось в руках социал-демократов большевиков; этим объясняется то расхождение в позиции газеты, которое она занимала в мае 1917 г. от уже упомянутой позиции в июле 1917 г.

указывало еще одно ироничное описание в прессе, в котором приводился заданный некоторыми участниками собрания вопрос: здесь происходит собрание делегатов латышских стрелков или собрание агитаторов социал-демократов большевиков? — но собрание их замечание отклонило (*Kā latviešu* 1917: 3). В результате после нескольких дней дебатов делегаты стрелков подавляющим большинством голосов приняли резолюцию, выработанную ЦК ЛСД и представленную Ю. Данишевским.

*Съезд латышских беженцев в Дерпте
(30 мая — 2 июня)*

От обоих вышеупомянутых съездов 1917 г. отличался ход съезда латышских беженцев, который прошел 30 мая (12 июня) 1917 г. в Дерпте. На этот съезд также прибыла организованная группа представителей левых взглядов, ядро которой составляли рижские, а в особенности московские делегаты беженцев, которых громче всех представлял делегат Розентал (*Rozentāls*). Но уже в первый день съезда их положение осложнила срочная телеграмма из Москвы с протестом против мандатов 30 московских делегатов: как утверждалось в телеграмме, выборы делегатов были незаконны и из 30 тыс. беженцев в выборах участвовала только какая-то тысяча (*Bēgļu kongress... Līdums* 1917: 6). Настроения съезда стали видны на второй день работы, когда сперва прозвучало предложение назначить специальных ответственных за порядок, которые не позволяли бы шуметь во время выступлений (предложение съезд все же отклонил) (*Miezis* 1917: 2), а позже, резко выступив против попыток Розентала начать обсуждение политических вопросов, съезд голосованием (111 голосов против 93 голосов) решил далее не позволять выступать по политическим вопросам (*Pirmais latviešu* 1917: 1). В результате, хотя съезд еще продолжали сотрясать конфликты и его работа вдвое превысила отведенное время (съезд закончил работу 2 июня), съезду, как это отмечали газеты, все же удалось победить то большевистски-радикальное направление, которое грозило превратить съезд в политический митинг, и добиться возвращения к серьезной работе (*Bēgļu kongress... Jaunākās Ziņas* 1917: 2). Позже, в 1935 г., отмечая 60-летие Арведа Берга (*Arveds Bergs*), автор одного из очерков, посвященных юбилею, этот перелом в ходе съезда связывал с уверенными ответами А. Берга на упреки Центрального комитета обеспечения латышских беженцев (*Latviešu bēgļu apgādāšanas centrālkomiteja*) в финансовых делах, после чего настроения съезда склонились не в пользу большевистских агитаторов (*Līgotņu J.* 1935: 719–720). Своя правда в этом утверждении, очевидно, была, но основное значение, скорее всего, здесь имело другое обстоятельство, которое отличало съезд в Дерпте, а именно, отсутствие широкой и активной аудитории хорошо организованных «слушателей».

Выводы

Обращаясь к теме механизмов продвижения политических решений на примере опыта Латвии в 1917 г., данное исследование концентрируется на вопросе: каким образом? — не ставя перед собой вопрос: почему? Поэтому и выводы данного исследования могут быть только промежуточным звеном, которое, давая ответ, тут же приводит к новым вопросам и оставляет место для дальнейших исследований.

Основной вывод, который позволяет сделать все вышесказанное, это признание самого факта существования особых политических технологий и их целенаправленного использования в политических процессах Латвии в 1917 г. То, что в ходе разных съездов и собраний, проводимых в 1917 г., можно найти схожие механизмы продвижения общественного волеизъявления, указывает, что речь здесь идет не о случайном стечении обстоятельств или каком-то отдельном случае, а о едином и заранее спланированном сценарии действия*. Как наиболее значимые в этом сценарии можно выделить три элемента.

Первым элементом этого сценария были так называемые гости-поздравители, которые по своему статусу на съездах и собраниях не могли иметь никаких полномочий, однако, пользуясь организованной поддержкой участников этих съездов и собраний, активно участвовали в их работе и в принятии решений.

Второй элемент этого сценария составила организованная группа участников съездов и собраний, которая аплодисментами и одобрительными выкриками или, напротив, громким шумом и освистыванием реагировала на выступления «революционных» и «реакционных» ораторов. Нередко эту группу дополняли слушатели «со стороны», которые, пользуясь ситуацией, в отдельных случаях принимали участие и в голосовании.

Наконец, третьим элементом этого сценария было уже конкретное действие: чтобы направить ход съездов и собраний в нужное для себя русло и каждому съезду и собранию придать значение политической манифестации, в качестве первого пункта рабочего порядка на всех съездах и собраниях выдвигался вопрос о текущем политическом моменте.

* В подтверждение данного вывода можно указать на еще один съезд, прошедший в 1917 г., но в силу его внутривнутрипартийного характера оставленный нами за рамками детального рассмотрения: речь здесь о Пятом съезде ЛСД, который состоялся 9 (22) июля в Риге и на котором были приняты большевистские резолюции и избрано большевистское ЦК партии. Исключительность данного съезда состоит в том, что именно по отношению к этому съезду умеренные социал-демократы, хотя и в общих выражениях, признали за большевистским крылом партии использование особых организационных мер, чтобы добиться подавляющего большинства своих делегатов на съезде (Kalniņš 1993: 131).

То, что на всех более значимых съездах и собраниях 1917 г. осуществлялся единый и заранее подготовленный сценарий, подтверждал не только их ход, но и результаты. Только этим можно объяснить очевидную нелогичность и неестественность резолюций, принятых на этих съездах и собраниях (особо здесь следует подчеркнуть уже упомянутый факт, что резолюция 17 мая, принятая собранием представителей латышских стрелковых полков, почти слово в слово повторяла резолюцию, которую 11 мая приняло общее собрание Рижского совета рабочих депутатов). Но, возможно, еще более убедительно значение этого заранее подготовленного сценария подтверждали те редкие случаи, — и одним из таких был уже упомянутый съезд латышских беженцев в Дерпте — когда в съездах и собраниях не участвовали ни гости-поздравители, ни организованные «слушатели»: в таких случаях решения съездов и собраний оставались без громких «революционных» резолюций.

Можно спорить, насколько существенным и решающим было влияние использования этих политических технологий на ход общественно-политических процессов в 1917 г., но нельзя игнорировать и оставлять без внимания сам факт использования этих политических технологий.

Данный вывод ставит перед нами несколько новых вопросов, среди которых наибольшего внимания заслуживает вопрос о происхождении этих механизмов продвижения политических решений. Некоторые их элементы были достаточно простыми, чтобы предположить, что они выросли на местной почве. Как пример здесь можно отметить эпизод, когда уже в декабре 1903 г. по указанию руководителя Курземской социал-демократической организации Р. Эндрупа группа школьников в Елгаве (Митава) организовала освистывание пьесы «Земля» («Zeme»), автором которой был латышский пастор и литератор Андриевс Ниедра (Andrievs Niedra) (*Latvijas revolucionāro cīnītāju* 1976: 216). Но, в то же время, трудно представить, что единый сценарий съездов и собраний 1917 г. был всего лишь спонтанно возникшей местной инициативой. Тем более, если, оглядываясь назад, мы обнаружим, что подобная практика организованной демократии использовалась уже раньше, в ходе двух наиболее важных съездов 1905 г.: съезде учителей Латвии, который открылся 10 (23) ноября, и съезде делегатов погостов Латвии, который начал работу 19 ноября (2 декабря). В описаниях обоих съездов мы находим таких же гостей-поздравителей, которые после своего приветствия с одобрения присутствующих избирались в руководство съезда, таких же слушателей «со стороны» (ученик Рижской Александровской гимназии и член Латвийской социал-демократической рабочей партии Феликс Циеленс (Fēlikss Cielēns), например, по его словам, участвовал в съезде учителей в качестве наблюдателя на балконе) (Cielēns 1997: 155), такую же организо-

ванную группу «поддержки» и «освистывания» и, наконец, такие же общеполитические и с конкретной реальностью мало связанные резолюции*.

Очевидно, здесь надо говорить о некоей централизованной системе подготовительных и обучающих курсов, программа которых, скорее всего, была разработана где то вне Латвии. Что дает основание для такого предположения? С одной стороны, это нелогичные и чуждые для местных условий нормы, которые иногда проскальзывали в революционных призывах латышских социал-демократов, и на одну из таких норм в своих воспоминаниях о событиях 1905 г. указывает уже упомянутый Ф. Циеленс, расценивая как курьезное недоразумение призыв партии превратить царскую частную собственность в государственную, хотя Царь никакой частной собственности в Латвии не имел (Cielēns 1997: 163). С другой стороны, это те принципы политической работы, которые были сформулированы в теоретических трудах международной, и в том числе российской социал-демократии и которые уже с начала XX в. прямо говорили о направлении и руководстве революционного движения масс, через призму которых становится понятной и тактика латышских социал-демократов.

В трудах теоретиков социал-демократии уже в начале XX в. звучал тезис о том, что движение рабочих и учение социализма есть два отдельных явления, и задача социал-демократии их соединить. На вопрос: каким образом? — эти теоретические рассуждения отвечали: развивая классовое сознание рабочих и просвещая рабочее движение. Наиболее буквально данную мысль сформулировал немецкий и австрийский теоретик марксизма Карл Каутский (Karl Kautsky): «... социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von außen Hineingetragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (urwüchsig) из нее возникшее. ... задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи» (Ленин 1902: 39). Эту же мысль вслед за К. Каутским повторил и будущий лидер российских социал-демократов большевиков Ленин, в своем труде «Что делать?» указывая: «Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне» (Ленин 1902: 30).

* Особо здесь выделялся съезд учителей, который, длительно обсуждая принципиальный вопрос: должна ли школа воспитывать только человека или она должна воспитывать еще и правильное классовое сознание? — на третий день проголосовал за резолюцию, в которой выражал свою солидарность со стараниями социал-демократической рабочей партии и обязался всеми силами поддержать ее борьбу; такое верноподданническое заявление казалось еще более странным на фоне несколько ранее прозвучавшей громкой критики немецкого и русского влияний в школе.

Он продолжил свою мысль, обосновывая необходимость организации профессиональных революционеров: «... для „обслуживания” массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и ... такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров» (Ленин 1902: 126–127).

На практике одним из таких средств приблизиться к поставленной цели — наполнить пролетариат социалистическим сознанием — стали школы пропагандистов, которые в начале 1910-х гг. российские социал-демократы организовали в Европе: в 1909 г. — на Капри, в 1910 г. — в Болонье, в 1911 г. — в Лонжюмо (Большевики 1990: 74-82, 103-107, 120-136). И можно только догадываться, сколько еще подобных специальных курсов было проведено до 1917 г.

Литература

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения (1990). 3-е изд. М.: Издательство политической литературы.

Кайминь Я. (1961) *Латвийские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции*. Рига: Латвийское Государственное издательство.

Ленин В.И. (1902) *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 6. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963: 1–192.

Ленин В.И. (1917) *О задачах пролетариата в данной революции*. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 31. М.: Государственное издательство политической литературы, 1969: 113–118.

1917. gads Latvijā revolūcijas dalībnieku atmiņās (1957) Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.

Bērziņš V. (1987) *Latvija Pirmā pasaules kara laikā*. Rīga: Zinātne.

Cielēns F. (1997) *Laikmetu maiņā: Atmiņas un atziņas. 1. grāmata*. Rīga: Memento.

Daniševskis J. (1928) *Latviešu strēlnieki — sociālās revolūcijas armija*. No: *Latvju Strēlnieku vēsture. 2 sējums: 1. sējums, 2. daļa*. Maskava: Prometejs.

Drīzulis A. (1987) *Lielais Oktobris Latvijā*. Rīga: Zinātne.

Goppers K. (1940) *Starp divām revolūcijām*. No: *Latviešu Strēlnieki: Latviešu veco strēlnieku vēsturisko dokumentu un atmiņu krājums: Septītais sējums, 31. burtnīca*. Rīga: Latviešu veco strēlnieku biedrība.

Ģermanis U. (1971) *Zemgaliešu komandieris. Jaunā Gaita*, 86. [http://jaunagaita.net/jg86/JG86-87_Germanis-X.htm] (accessed: 01.11.2017)

Ģermanis U. (1993). *Ceļā uz Latviju: Raksti par mūsu vēsturi*. Rīga: Memento Latvija.

Kalniņš B. (1993) *Latvijas Sociāldemokratijas 50 gadi (1904–1954)*. Stokholma: Memento.

Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata: 1. sējums. 1905–1907. gada revolūcija: 1. daļa. Rīga: Liesma, 1976.

Līgotņū J. (1935). Arveda Berga 60 gadi. *Burtnieks*, 9: 716–723.

Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā (1917–1957) (1957). Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.

Šilde Ā. (1976) *Latvijas vēsture 1914–1940: Valsts tapšana un suverēnā valsts.* Stokholma: Daugava.

Vācietis J. (1922) *Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme.* Rīga: Avots, 1989.

Источники

...armijas Zald. Dep. sapulce. *Brīvais Strēlnieks*, 17.05.1917: 2.

Apvienoto Latviešu Strēlnieku pulku Deputātu Padomes sapulce 16. maijā. *Jaunākās Ziņas*, 17.05.1917: 3.

Apvienoto Latviešu Strēlnieku pulku, sanitāro iestāžu un atsevišķu komandu deputātu sapulces protokols. *Dzimtenes Vēstnesis*, 9.04.1917: 2–3.

Bezzemnieku sapulce Valmierā 16. un 17. aprīlī. *Jaunākās Ziņas*, 20.04.1917: 1.

Bēgļu kongress Tērbatā. *Jaunākās Ziņas*, 3.06.1917: 2.

Bēgļu kongress Tērbatā. *Lidums*, 3.06.1917: 6.

Ģenerāļa Radko-Dmitrijeva runa uz latviešu strēlniekiem. *Dzimtenes Vēstnesis*, 16.05.1917: 1.

Miezis J. Pirmais Latviešu bēgļu kongress Tērbatā. *Jaunais Vārds*, 4.06.1917: 2.

Kopēja oficiēru un zaldātu delegātu sapulce. *Jaunais Vārds*, 10.03.1917: 3.

Latviešu delegācija pie ministru priekšnieka Kerenska. *Lidums*, 23.09.1917: 1–2.

Latviešu Strēlnieku Pulku Apvienotās Padomes sapulce 14. maijā 1917. gadā Interim teātra telpās. *Brīvais Strēlnieks*, 18.05.1917: 3.

Latvijas Sociāldemokrātijas kongress un latviešu strēlnieki. *Brīvais Strēlnieks*, 9.07.1917: 1.

Mūsu Strēlnieku Pulku zvērests. *Jaunākās Ziņas*, 12.03.1917: 2.

Nopietns laiks prasa apdomības. *Rīgas Ziņas*, 3.03.1917: 1.

Pirmais latviešu bēgļu kongress Tērbatā. *Jaunais Vārds*, 8.06.1917: 1.

Rīgas Sabiedrisko Organizāciju Priekšstāvju sapulce... *Jaunākās Ziņas*, 10.03.1917: 2.

Strādnieku Deputātu Padome... *Jaunais Vārds*, 22.03.1917: 3.

Valkas latviešu sabiedrisko organizāciju Padome... *Jaunākās Ziņas*, 30.05.1917: 1.

MECHANISMS FOR PROMOTING POLITICAL DECISIONS AS EXPRESSIONS OF THE “WILL OF SOCIETY”: THE EXPERIENCE OF LATVIA IN 1917

*Uldis Krēslīņš**

Institute of Latvian history, The University of Latvia, Riga, Latvia

Citation: Krēslīņš U. (2017) Mekhanizmy prodvizheniya politicheskikh resheniy kak vyrazheniya «voli obshchestva»: opyt Latvii v 1917 godu [Mechanisms for promoting political decisions as expressions of the “will of society”: the experience of Latvia in 1917]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(4): 135–153 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.7>

Summary. The given paper considers the issue of specific mechanisms or political technologies that were used for promoting political solutions, based on the experience of Latvia in 1917. The democratic reforms that began in March 1917 led to the creation of new institutions of local government, and in the first weeks of work the relationship between the newly formed representative institutions of workers and non-proletarian circles characterized readiness for a pragmatic compromise and mutual concessions. But already in the middle of March, when the role of the exponent of the workers' aspirations was increasingly appropriated by Social-Democrats Bolsheviks, who only recently returned from exile and emigration, in these relations there has been a shift from a policy of compromise to a course toward confrontation. The turning point in this change of course was the slogan proclaimed in early April by the leader of the Russian Social-Democrats Bolsheviks V. Lenin: „No support to the Provisional Government”. In this situation, in order to present such a sharp turn in their own position as an expression of the moods of the broad masses of society, the main method of the revolutionary struggle of the Latvian Social-Democrats become pre-prepared and skillfully directed congresses and meetings, on which the resolutions, submitted by Social-Democrats and expressing distrust for the Provisional Government, were adopted. The fact, that in the course of the various congresses and meetings held in 1917 these mechanisms for promoting political decisions were similar, indicates that this was not a coincidence or a particular case, but the thoughtful and unified party tactics of the Latvian Social-Democrats Bolsheviks.

Keywords: political technologies, Social-Democrats Bolsheviks, The February Revolution, Latvian Riflemen, Latvia

References

1917. gads Latvijā revolūcijas dalībnieku atmiņās [The Year of 1917 in Latvia at the memories of the participants of the Revolution]. Riga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1957 (in Latvian).

Bērziņš V. (1987) *Latvija Pirmā pasaules kara laikā* [Latvia during the First World War]. Riga: Zinātne (in Latvian).

Bolsheviks: Dokumenti po istorii bolshevizma s 1903 po 1916 god byvshego Moskovskogo Ohrannogo Otdelenia. Treťe izdanie [Bolsheviks: Documents on the history of Bolshevism from

* E-mail: uk15001@lu.lv

1903 to 1916 of the former Moscow Security Department. Third edition]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1990 (in Russian).

Cielēns F. (1997) *Laikmetu maiņā: Atmiņas un atziņas. 1. grāmata* [Change of Times: Memoirs and Opinions. Volume 1]. Rīga: Memento (in Latvian).

Daniševskis J. (1928) *Latviešu strēlnieki — sociālās revolūcijas armija* [Latvian Riflemen — Army of the Social Revolution]. In: *Latvju Strēlnieku vēsture. 2 sējums: 1. sējums, 2. daļa* [History of Latvian Riflemen. In 2 volumes: Volume 1, Part 2]. Moscow: Prometejs (in Latvian).

Drīzulis A. (1987) *Lielais Oktobris Latvijā* [Great October in Latvia]. Rīga: Zinātne (in Latvian).

Goppers K. (1940) *Starp divām revolūcijām* [Between Two Revolutions]. In: *Latviešu Strēlnieki: Latviešu veco strēlnieku vēsturisko dokumentu un atmiņu krājums: Septītais sējums, 31. burtnīca* [Latvian Riflemen: The Collection of Historical Documents and Memories of the Latvian Old Riflemen: Seventh Volume, 31. Booklet]. Rīga: Latviešu veco strēlnieku biedrība (in Latvian).

Gērmanis U. (1971) *Zemgaliešu komandieris* [The Commander of Zemgalians]. *Jaunā Gaita*, 86. [http://jaunagaita.net/jg86/JG86-87_Germanis-X.htm] (accessed: 01.11.2017) (in Latvian).

Gērmanis U. (1993) *Ceļā uz Latviju: Raksti par mūsu vēsturi* [Towards Latvia: Articles about our history]. Rīga: Memento Latvija (in Latvian).

Kaimin J. (1961) *Latyšskie strelki v borbe za pobedu Oktjabrskoj revoljucii* [Latvian Riflemen in the struggle for the victory of the October Revolution]. Rīga: Latvijskoe Gosudarstvennoe izdatelstvo (in Russian).

Kalniņš B. (1993) *Latvijas Sociāldemokrātijas 50 gadi (1904-1954)* [Fifty Years of the Latvian Social Democratic Party (1904-1954)]. Stockholm: Memento (in Latvian).

Latvijas revolucionāro cīnītāju piemiņas grāmata: 1. sējums. 1905–1907. gada revolūcija: 1. daļa [Memorial Book of the Revolutionary Combatants of Latvia: Volume 1. The Revolution of 1905–1907: Part 1]. Rīga: Liesma, 1976 (in Latvian).

Lenin V.I. (1902) *Chto delat'? Nabolevshie voprosy nashego dvizhenija* [What Is To Be Done? Burning Questions of Our Movement]. In: *Institut marksisma-leninizma pri CK KPSS. V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenij: Izdanie pjatoe, Tom 6* [Institute of Marxism-Leninism at the CPSU Central Committee. V.I. Lenin. Complete Works: 5th Edition, Volume 6]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1963: 1–192 (in Russian).

Lenin V.I. (1917) *O zadachakh proletariata v dannoj revoljucii* [The Tasks of the Proletariat in the Present Revolution]. In: *Institut marksisma-leninizma pri CK KPSS. V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenij: Izdanie pjatoe, Tom 31* [Institute of Marxism-Leninism at the CPSU Central Committee. V.I. Lenin. Complete Works: 5th Edition, Volume 31]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1969: 113–118 (in Russian).

Ligotņu J. (1935) *Arveda Berga 60 gadi* [Arveds Bergs 60 year's]. *Burtnieks*, 9: 716–723 (in Latvian).

Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā (1917-1957) [Constitutional Acts of the Soviet authority in Latvia (1917–1957)]. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1957 (in Latvian).

Šilde Ā. (1976). *Latvijas vēsture 1914-1940: Valsts tapšana un suverēnā valsts* [History of Latvia 1914–1940: Formation and Development as an Independent State]. Stockholm: Daugava (in Latvian).

Vācietis J. (1922). *Latviešu strēlnieku vēsturiskā nozīme* [The historical significance of the Latvian Riflemen]. Rīga: Avots, 1989 (in Latvian).